

МЫСЛИ

ВОПРОСЫ
УЧЁНЫМ

БУДУЩЕЕ
БЕЗ ЦЕНЗУРЫ

ГОРИЗОНТЫ ВИДИМЫЕ
С ВЕРШИН

Дорогие читатели!

Рады приветствовать вас на страницах нашего научно-популярного журнала. Для нас это не просто выпуск – это пространство, где встречаются любопытство и знание, первые исследовательские шаги и зрелые научные идеи, традиции и смелые эксперименты.

Сегодня мы хотим поговорить о том, что часто остаётся «за кадром» научных статей и открытий, но при этом играет важную и даже основную роль в развитии науки – о научных школах.

Научная школа – это не только группа учёных, работающих в одной области. Это живая интеллектуальная среда, где знания передаются от поколения к поколению, где формируются подходы к исследованию, где воспитывается научное мышление.

Важно понимать, что наука редко развивается в одиночку. За каждым значимым открытием стоит целая цепочка наставников, учеников, дискуссий и совместной работы, о которой мы хотим рассказать в этом выпуске.

Для студентов особенно важно быть частью такой среды, даже если пока только в качестве начинающих исследователей. Участие в научной школе формирует не только профессиональные навыки, но и научную культуру: умение работать с источниками, аргументировать свою позицию, уважать чужую точку зрения и стремиться к объективности.

Этот выпуск журнала мы посвящаем тем, кто делает науку живой – преподавателям, исследователям, наставникам и, конечно, студентам, которые только начинают свой путь. Мы надеемся, что материалы этого номера помогут вам увидеть науку не как набор фактов, а как живой процесс, в котором вы тоже можете стать участниками.

Пусть этот журнал станет для вас не просто источником информации, а приглашением к диалогу, исследованию и поиску. Ведь наука начинается там, где появляется вопрос.

**С уважением, главный редактор журнала «Мысли»
Екатерина Черткова.**

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Язык как зеркало мышления: научная школа когнитивной лингвистики ПГУ</i>	<i>4</i>
<i>Как культура звучит в голосе: опыт лингвистов и ИИ</i>	<i>14</i>
<i>Вычислительная философия, искусственные нейросети... и горы</i>	<i>18</i>
<i>Заговор молчания: как исчезают языки и что пытаются сделать учёные, чтобы это остановить</i>	<i>26</i>
<i>Язык как Феникс</i>	<i>35</i>
<i>Между этничностью и политикой: как управлять многообразием в современном мире</i>	<i>38</i>
<i>Алгоритм перевода брендов: студенческий стартап с нейросетью на пути к китайскому рынку</i>	<i>42</i>
<i>Анонсы</i>	<i>45</i>

1

ЯЗЫК КАК ЗЕРКАЛО МЫШЛЕНИЯ: НАУЧНАЯ ШКОЛА КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ ПГУ

В центре любой научной школы всегда стоит личность учёного – человека, который не только формирует исследовательскую парадигму, но и задаёт направление мысли своим ученикам. В интервью с Олегом Алимурадовичем Алимурадовым, основателем научной школы «Когнитивное моделирование разноформатной структуры знания в обыденной и научной картинах мира»

ПГУ, раскрываются ключевые идеи современной когнитивной лингвистики, принципы подготовки молодых исследователей и роль языка как инструмента репрезентации мышления.

– Как известно, системообразующим элементом научной школы прежде всего является личность учителя/основоположника. Олег Алимурадович, как Вы

обратились к своей теме исследования? Каковы Ваши научные интересы?

– Мои научные интересы формировались постепенно. Бывает так, что человек сразу понимает, чем он хочет заниматься, в моем случае это было немного не так. Сначала я начинал заниматься англоязычными сказками и фэнтези. Мои интересы всегда лежали в области английского языка: сначала изучал тексты, но потом переключился на синтаксис. Так, моя кандидатская диссертация была посвящена сочинительным союзам, но в скором времени обратился к общим вопросам языкознания – проблемам значения и смысла. В начале 2010-х годов я обратил свой взор и на вопросы терминоведения. Все эти аспекты моих исследований могут показаться на первый взгляд не связанными между собой, но на самом деле они имеют отношение к тому, как мы думаем, что думаем и как мы все это облакаем в слова.

– Какова основа общей концепции исследовательской

работы Вашей школы? Она включает отдельных исследователей или научные группы? Что входит в круг их интересов?

Наша научная школа называется «Когнитивное моделирование разноформатной структуры знания в обыденной и научной картинах мира». Мы занимаемся тем, что изучаем структуру мышления: воплощение того, как мы думаем, о чем думаем в структурах языка. И рассматриваем эту проблематику в разных направлениях. Некоторые из моих учеников занимаются исследованием художественных текстов с когнитивной точки зрения: как рождается текст, его замысел, воплощение и восприятие читателем.

Второй аспект – это то, как научное знание получает воплощение в терминологии, потому что в ней очень много всего «зашиито» с точки зрения того, что она воплощает. Поэтому у нас есть определенное количество людей, которые занимаются именно этой проблематикой. Вот Максим Ни-

колаевич Лату, Алексей Валерьевич Раздужев, в частности.

И не так давно мы обратили внимание на изучение поликодовых текстов с когнитивной точки зрения. Что такое поликодовый текст? Это текст с картинками. Самый простой пример – это мемы, кино, рекламные тексты и т.д. И вот посмотреть то, каким образом информация находит свое воплощение в таких текстах, – это третье направление. Им очень активно занимаются Максим Николаевич Лату и Ольга Юрьевна Гукосьянц. Вот это тоже такое очень интересное и значимое направление в нашей научной школе.

– Какие уже есть на данный момент результаты работы Вашей школы? Самые значимые, которые Вы могли бы назвать.

– Если говорить о результатах, то стоит остановиться на вещественных, которые представлены в рамках нашей научной школы в достаточном количестве. Во-первых, это публикации. Наша научная школа опубликовала свои тру-

ды в более 100 ВАКовских научных журналах, которые в нашей стране являются самыми престижными, также есть в зарубежных изданиях (порядка 40), ну и, конечно, много конференционных выступлений.

Что еще может быть результатом? Это, конечно, ученики. У меня за все это время научного руководства защитилось 23 кандидата филологических наук. Сейчас пишутся еще и докторские. Работа идет. Кроме того, в рамках нашей научной школы право на научное руководство сегодня имеют Максим Николаевич и Алексей Валерьевич, которые также могут брать аспирантов и соискателей. И я надеюсь, что в скором времени у них тоже появятся свои ученики, последователи.

Также занимаемся разработками программ для цифровых устройств, особенно в рамках изучения научной картины мира и терминоведения. Мы сделали более 25 электронных баз данных, которые нужны для составления словарей, для системы искусственного ин-

теллекта, тем, чем пользуемся ежедневно (Google-translate или Яндекс-переводчик). Сердце любой такой системы машинного перевода – это электронная база данных, то есть словарь. Любую систему или нейросеть нужно учить для того, чтобы она стала умной, чем мы и занимаемся в рамках нашей научной школы.

Есть и полновесные словари, которые мы делали. Например, Алексей Валерьевич в свое время сделал довольно большой словарь терминов нанотехнологии англо-русский и русско-английский, содержащий порядка 20 000 лексических единиц. Он имеет электронный формат и есть в открытом доступе.

– Что, на Ваш взгляд, оказывает наибольшее влияние на формирование личности лингвиста-когнитолога? Что входит в процесс воспитания будущего ученого?

– Любая научная школа ценна тем, что воспитывает молодежь, в ней вырастает молодое поколение, которое неизбеж-

но придет на смену тому, которое есть сейчас. Это абсолютно естественный процесс. Вот для этого научная школа и нужна, чтобы там выросла молодежь, которая потом, возможно, займется тем же или, возможно, чем-то другим, но она займется и начнет работать.

– В чем ключевой момент подготовки лингвиста?

Это воспитание интереса. Когда человеку что-то не нравится, и он не понимает, зачем это делает, нормально заниматься наукой нельзя, потому что никакой научный результат, заслуживающий внимания из-под палки, не получается. Поэтому самый важный аспект – это воспитание интереса, поиск людей, которым даже на интуитивном уровне интересна наука. В связи с этим, задача любой научной школы – найти и вовлечь в свою деятельность вот такую молодежь, показать ей, что мы можем дать новые знания, что-то объяснить, приоткрыть кладезь знаний, чтобы они могли найти себя в мире науки.

– В научной школе, как

известно, объединены процесс познания и процесс передачи знаний. Скажите, как это реализуется в Вашей школе?

– Безусловно, это два взаимосвязанных процесса. Когда я только начинал, то искал людей, которым интересно что-то узнать, и моей основной задачей было передать эти знания. У нас был (это были еще 2000-е года) на переводческом (тогда он еще назывался переводческий факультет, сейчас он ИПРИМ) научный семинар с молодежью, на котором брали разные по сложности лингви-

стические проблемы и обсуждали их. Мы в какой-то степени «вкапывались», пытались найти решения, смотрели на то, как это делали другие, насколько это было удачно или неудачно. Дальше к этому подключился процесс подготовки выпускных квалификационных работ, диссертаций и т.д. Сейчас как-то эти процессы уравнились, потому что есть ученики у меня, есть ученики уже и у моих учеников. И поэтому есть уже время для научных исследований.

У каждого из нас есть какая-то проблемная область.

Это очень важно, потому что нужно понимать, чем ты занимаешься, что конкретно ты хочешь исследовать, в связи с этим какую перед собой ставишь задачу, которую пытаешься решить, и в конечном счете, что ты хочешь предложить людям. И сейчас в контексте того, как у нас развивается наука и какие требования к ней предъявляются, найти какое-то решение научной проблемы недостаточно. Потому что общество, экономика, государство от нас просят, а в каких-то случаях и требуют показать, что можно сделать с этим научным результатом.

– Как происходит выбор научно-исследовательских тем для Ваших учеников?

– Выбор темы для любой научной работы, начиная с курсовой и заканчивая докторской диссертацией, – это большая ответственность всегда. Потому что неправильный ее выбор – это во многом неудачное научное исследование, с одной стороны, а с другой стороны, это в какой-то степени травмированная челове-

ческая судьба. Потому человек иногда, потерпев неудачу в науке, возможно, в нее никогда не вернется, что бывает очень зря.

Чтобы грамотно выбрать тему нужно, во-первых, много и постоянно читать, чтобы быть в курсе того, что происходит.

Надо быть на острие того, что происходит в твоей научной области, понимать, какие проблемы решены, а какие – нет, и идти туда, где нет решения. Потому что заниматься тем, что уже решено, бессмысленно – никакого научного результата не получится, ничего полезного вы не сделаете на самом деле. Вот, если вы занялись нерешенной проблемой, это очень хорошо, потому что вы куда-то можете продвинуться, вы, возможно, ближе можете подойти к решению проблемы, возможно, вы к нему не пришли еще совсем, но вы находитесь ближе, чем вы полагаете. Это ценно. Поэтому для того, чтобы это сделать, надо понимать, что происходит в твоей области.

– Преемственность идей и деятельности в научной школе обеспечивается за счет традиций. Скажите, какие компактные (мало-изменяющиеся концепты научного исследования, интеллектуальные идеалы) сложились уже в Вашей школе?

– С одной стороны, есть какие-то аксиоматичные вещи, если говорить о теоретических основах, о содержании, научных идеях. Допустим, я изложил вам более простым языком тезис о сущности репрезентации в когнитивной лингвистике, который означает, что язык является воплощением мысли, ментальным конструктором. Это положение аксиоматичное, на нем очень много построено в когнитивистике и все, кто ею занимаются, его разделяют.

Второй момент. Я убежденный сторонник того, что в лингвистических исследованиях по-прежнему надо разделять язык и речь. Это то, о чем говорил сто лет назад замечательный швейцарский линг-

вист Фердинанд де Соссюр. Когнитивисты, когда пришли на авансцену, как-то старались опровергнуть эту идею и продвигали, что на самом деле разграничения между языком и речью нет, важна репрезентация, а где она – в языке или в речи, это неважно. На самом деле, я считаю, что это очень поверхностная точка зрения, и то, что у нас «зашиито» в язык, мы из языка «сплетаем» уже в речи, это совсем разные источники.

Есть определенные персоналии, на которые мы тоже в какой-то степени ориентируемся. В терминоведении это, конечно, профессор Владимир Моисеевич Лейчик, профессор Сергей Дмитриевич Шелов, профессор Елена Ивановна Голованова (глава челябинской терминологической школы, мы дружим достаточно много лет) и многие-многие другие. Есть определенные персоналии, на которые мы ориентируемся в целом, когда говорим о том, как в принципе работает язык. Это профессор Василий Васильевич Нимчук,

профессор, академик Юрий Дереникович Апресян, недавно ушедший из жизни и т.д.

– Жизнеспособность каждой научной школы и возможность ее развития обеспечивается за счет сочетания традиций и новаторства. В чем заключается новаторство Вашей школы?

– Инновационность того, чем мы занимаемся, мне видится в двух вещах. Первое – мы исходим из того, что языковые структуры, то есть слова, словосочетания, какие-то модели высказывания и т.д., очень динамичны и многомерны. И вот в этом достаточно серьезный инновационный момент, который характеризует наше исследование. Потому что один и тот же объект можно на самом деле изучать с разных точек зрения, и ни одно исследование такого рода не будет конечным. Именно в многомерности, в умении вычленить разные ракурсы изучения объекта, я считаю, заключается наша инновационность, с одной стороны, а с

другой – мы стараемся в большинстве наших исследований пройти весь путь от постановки проблемы до материального воплощения того, что получилось в результате. Это может быть словарь, какая-то электронная экспертная система, цифровые инструменты для анализа поликодовых текстов. В этом мне видится нетрадиционный взгляд на научное исследование.

И третий момент, мы всегда старались плотно взаимодействовать с цифровыми методами. Сейчас гуманитарий все больше и больше цифровыми инструментами пользуется, но даже когда это было не совсем возможно и практически никому не понятно, мы пытались цифровые инструменты в наших исследованиях применять.

– Хотелось бы уточнить у Вас еще один момент – о соотношении искусственного интеллекта и науки. Может ли эта технология в будущем заменить когнитивную лингвистику или все же человеческий труд

будет основополагающим в этой области?

– В ближайшее время искусственный интеллект в научных исследованиях человека не заменит. Я понимаю, как это работает, как работают большие и малые языковые модели, и на самом деле интеллекта у них никакого нет. Говорить о том, что у нас есть система искусственного интеллекта еще очень-очень рано. Вот то, что у нас действительно есть на сегодняшний момент, что сейчас многие люди называют «искусственным интеллектом», на самом

деле правильно называть «большими языковыми моделями». Это определенные цифровые продукты, которые построены по принципу нейросетей, то есть они обучаются на том, что называется «бигдата» – на больших объемах информации. Они хороши тем, что на основе каких-то данных могут породить нечто новое, что не будет противоречить здравому смыслу и тому, что мы уже знаем. У искусственного интеллекта, с этим как раз большие сложности. Почему? Потому что нейросеть или система ИИ, пытаясь породить

какие-то новые тексты, иногда просто начинает «галлюцинировать», то есть выдумывать какие-то вещи, которые не имеют ничего общего с действительностью. На наш взгляд, это очень хорошо иллюстрирует проблему – плохо проработанной генеративной части нейросети. И вот пока это будет происходить, ни один искусственный интеллект не заменит человека-исследователя.

– Какой Вы видите Вашу школу в будущем? Каков Ваш прогноз?

– Во-первых, молодой. Я глубоко убеждён в том, что много в науке успеет сделать молодёжь, никак не принижая при этом опыт, знания умудренных жизнью исследователей, но в науке опыт – это не все. Опыт в какой-то степени может быть даже тормозом в науке, потому что он иногда мешает правильно и смело поставить какую-то научную проблему. Поэтому порой нужно ставить под сомнение то, что было написано авторитетами, для

дальнейшего развития. Вижу школу понимающей и умеющей использовать тот цифровой потенциал, который у нас сейчас накоплен.

И третье. Вижу нацеленной на то, чтобы сделать что-то полезное для человека на самом деле. Потому что несмотря на то, что мы пользуемся IT-технологиями, мы – гуманитарии, нацеленные на изучение человека. Человека изучать очень сложно, потому что здесь начинают срывать всякие рамки, ограничительные установки. Но с другой стороны, изучая самого себя, человек лучше понимает, что он делает, почему он это делает и как он это делает. Любое гуманитарное исследование на самом деле на благо человека, и я очень надеюсь, что в этом плане мы можем сделать что-то полезное.

Нагоева БЕЛЛА

2

КАК КУЛЬТУРА ЗВУЧИТ В ГОЛОСЕ: ОПЫТ ЛИНГВИСТОВ И ИИ

Кафедра экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции ПГУ продолжает проект, связанный с изучением речи человека с помощью современных технологий и нейросети, которую разработали сами. Ольга Владимировна Гончарова рассказала, как сейчас проходит работа над проектом, какие уже есть неожиданные результаты и что ещё планируется

модернизировать для подачи новой грантовой заявки.

– Как долго уже ведётся работа над проектом и на каком он сейчас этапе?

– Над проектом мы интенсивно работали в течение двух лет в рамках полученного гранта. Формально грант завершился около года назад, однако мы не остановили исследования и использовали этот период для

анализа полученных данных, переосмысления методологии и планирования дальнейшего пути. Это позволило нам подготовить новую, более сфокусированную заявку, в которой мы учли предыдущий опыт, расширили спектр изучаемых языков и усовершенствовали методики. Сейчас проект находится на этапе ожидания решения по новой заявке и параллельно ведется работа по углубленному анализу уже собранного массива данных.

– Какие уже получены ключевые результаты или выводы?

– Полученные результаты не только полностью соответствуют, но и по ряду направлений превосходят первоначальные цели гранта, которые на старте мы намеренно формулировали достаточно осторожно. Мы многому научились и получили ряд неожиданных и ценных дополнительных результатов. Например, наши данные по акустике и просодии выявили интересные

этнокультурные специфики. Довольно неожиданным и значимым оказался тот факт, что по звучанию речи русскоязычные жительницы Северного Кавказа в состоянии гнева акустически очень близки к модели, характерной для кабардинской подгруппы. В радости эта схожесть тоже прослеживается, но слабее. Эмоция гнева проявила себя как самая удобная для анализа. Она ярче выражена и в акустике, и в просодии; модели машинного обучения обучались на этих данных лучше и давали более точные и однозначные результаты. В то время как радость демонстрирует высокий разброс: она бывает очень разной, что подтвердилось даже на этапе аудитивного анализа, когда эксперты-лингвисты отмечали большой разброс в оценках и классификации эмоциональной окраски данных записей.

– Какие различия между билингвами и монолингвами оказались

наиболее неожиданными?

– Если говорить только о лингвистических неожиданностях, то их, пожалуй, не было – классическая теория интерференции нашла свое очередное подтверждение. Наши данные по акустике и просодии очень четко показывают, какие черты билингвы заимствуют из своего родного языка, а какие адаптируют под русский.

Оказалась очень интересным культурная обусловленность эмоций. Мы обнаружили, что и мужчины, и женщины проявляют радость по-разному в зависимости от пола собеседника. Причем этот контраст наиболее выражен в группе среднего возраста, у молодежи и людей более зрелого возраста эти эмоций сглажены.

– Удалось ли выявить закономерности в том, как билингвы переключаются между языками? Есть ли различия в когнитивных стратегиях у билингвов в зависимости от пары языков?

– Наши эксперименты были построены таким образом, что билингвы говорили либо строго на русском, либо строго на своем родном языке в рамках квазиспонтанной речи. Нас интересовала в первую очередь форма – акустические и просодические паттерны, а не содержание или механизмы переключения между языками. Это, безусловно, интересное направление, которое мы рассматриваем для реализации в наших следующих исследованиях.

– Как результаты нейросети соотносятся с данными традиционных психолингвистических исследований?

– Скорее можно сказать, что результаты, полученные с помощью нейросети, не просто соотносятся с традиционными данными, а полностью их подтверждают, но на новом уровне. Нейросеть выдает вероятностную оценку, например, «данная фраза с вероятностью 89% содержит радость» или «30% радость». Важно подчеркнуть, что сама модель была обучена

на данных, размеченных экспертами-лингвистами, то есть стандартом были именно традиционные методы аудитивного анализа. Высокая точность предсказаний нейросети означает, что она успешно выявила и формализовала те самые акустические корреляты эмоций, на которые опираются лингвисты.

– Какие следующие этапы запланированы для проекта? Планируется ли расширение на другие языковые пары или группы?

– Ключевые следующие этапы: это, во-первых, значительное расширение нашего датасета как по количеству записей, так и по числу языковых пар, во-вторых, мы планируем продолжить развитие и усовершенствование веб-приложения, которое было создано в рамках текущего проекта. Приложение является не только инструментом для сбора и анализа данных, но и потенциальной платформой для будущих прикладных решений.

– Что, на Ваш взгляд,

станет главным достижением проекта в долгосрочной перспективе?

– Я считаю, что главным долгосрочным достижением проекта станет создание точной и культурно «чувствительной» модели распознавания эмоций в речи, которая будет учитывать не только языковые, но и этнокультурные особенности говорящего.

Сейчас большинство решений на рынке ориентированы на «усредненного» носителя. Наша работа показывает, что для реальной точности необходимо учитывать этот контекст. В перспективе это может лечь в основу новых стандартов в разработке систем человеко-машинного взаимодействия, в клинической диагностике, в лингвистической экспертизе и, конечно, в фундаментальной науке о человеке.

Черткова ЕКАТЕРИНА

3

ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ, ИСКУССТВЕННЫЕ НЕЙРОСЕТИ... И ГОРЫ

Современная наука постоянно сталкивается с новыми вызовами и возможностями, особенно в области технологий и человеческого познания. Одним из наиболее интересных направлений исследований стала вычислительная философия, которая стремится объединить достижения информатики, лингвистики и философии сознания. Эта область требует особого внимания, поскольку она затрагивает фундаментальные

вопросы взаимодействия человека и машины, осмысления природы сознания и понимания роли новых технологий в нашей жизни.

Об этом мы поговорили с Барышниковым Павлом Николаевичем, доктором философских наук, доцентом и руководителем научно-образовательного центра цифровой философии «Digit» при Пятигорском государственном университете, поскольку его работа посвящена исследованию именно этой проблемы, а также поиску элементов ментального у машин и изучению архитектур, формирующих человеческое сознание. В данном интервью мы поговорим о том, как современная наука смотрит на роль философии в цифровую эпоху, какие перспективы открывает использование больших языковых моделей и нейросетей, и какова роль человеческих эмоций и

творчества в развитии науки и технологии.

– Павел Николаевич, спасибо, что согласились дать нам это интервью. Вы являетесь руководителем научно-образовательного центра «Digit», скажите, что именно изучает вычислительная философия и как она применяется в ваших проектах?

– Мы расположились на точке пересечения трех дисциплин. Они все довольно узконаправленные, но есть общее исследовательское поле. Это прикладная лингвистика, компьютер-science и философия сознания. И вот эти три области пересекаются. Я это называю – взаимодействие умных машин и умных людей, создающих некую ментальную сферу. И очень интересно ответить себе на вопросы: есть ли хоть какие-то элементы ментального у машин, особенно у современных и сложных, и есть ли вычислительные процессы либо какие-то вычислительные архитектуры у людей? В наличии своего ментального

мы не сомневаемся, но как оно зарождается и какими архитектурами генерируется – это большой вопрос. Вот этим мы и занимаемся в нашем центре.

– Вы упомянули о сознании машин, разве это не смежная тема с искусственным интеллектом?

– Мы стараемся термин «искусственный интеллект» употреблять пореже, потому что сейчас из-за хайпа, который вокруг него поднялся, очень размылось общее представление о нем. Термин «интеллект» антропоморфизирует, за ним стоит образ человека, и вроде как мы говорим об искусственном существе. Если мы вспомним представителей Дартмутского семинара в 1956, где данный термин получил второе рождение, слово «intelligence» там понималось вполне себе в прикладном ключе – в переводе с английского оно означает «поиск и анализ информации». И мы понимаем, что «intelligence service» – это разведка. Как только мы говорим «artificial intelligence», то называем это

«искусственной разведкой», и тогда всё становится на свои места – никакого разума или существа нет, это просто анализ данных.

Наш проект строится вокруг машинного обучения и анализа данных, но мы не создаем свои модели, поэтому говорить, что мы разработчики искусственного интеллекта — это слишком смело. Мы пользуемся какими-то готовыми решениями для создания своих прикладных программ.

– То есть, если использовать два словосочетания «искусственный интеллект» и «нейросети», Вы бы предпочли скорее второе?

– Да, мы используем просто слово «модель», потому что нейросетей тоже огромное количество. На сегодняшний момент существуют разные подходы к их пониманию, ведь ни одна модель не является полной копией другой (например, BERT не похож на QWEN, QWEN не похож на DeepSeek). Это все различается, и от того, как скроена нейросеть, силь-

но зависят результаты, поэтому где-то нужен «fine-tuning», где-то нужно дообучение.

У нас был эксперимент с нейросетями. Мы пытались сравнить формальные статистические параметры текста, посвященные восприятию запахов, – текст, созданный человеком, с сгенерированным текстом. Модель была дообучена на большом корпусе русской литературы, на специально извлечённом «DataSet», посвящённом запахам. В результате через большое множество промптов сгенерировали уже искусственные тексты про запахи. Довольно любопытный результат вышел в плане статистических параметров, поскольку имеются расхождения. В конце года выйдет статья по результатам этого эксперимента.

– Вы как специалист по философии сознания как оцениваете современный бум вокруг искусственного сознания?

– Роль философии в современном обществе возрастает. Философия – это практика пе-

ревода одних концептуальных схем на более доступные. Философы должны помочь настроить способы взаимодействия между разработчиками и теми, кто отвечает за системы ценностей и представления о человеке в целом. Имитация диалога между ними имеется, но он получается не очень продуктивным.

– А как LLM (большие языковые модели) формируют или искажают восприятие реальности и сознания? И вообще есть ли это искажение?

Уильям Батлер Йейтс говорил, что «учение – это не заполнение ведра, а зажигание огня». И я начинаю понимать, что мы пошли по пути накопления знаний и, конечно, большие языковые модели для современных обучающихся, школьников и студентов – это мечта. Теперь есть кнопка, которая и домашнее задание сделает, и качество студенческих работ поднимет до профессорских. Это было бы хорошо, если бы не одно но: как только начинаешь говорить с

человеком, понимаешь, что у него там все пусто, он довольствуется иллюзией знания – ответил на всех экзаменах, но огонь так и не разгорелся.

И здесь есть очень тонкий баланс, потому что есть целое направление «AI-driven discoveries», связанное с открытиями в науке с помощью искусственного интеллекта. Сказать, что это пустышка нельзя. Так как это направление предполагает очень нестандартный подход, который обычному человеку не под силу за счет анализа колоссального объема данных. И здесь очевидна неоценимая помощь искусственного интеллекта.

– А если говорить о человеке в этой системе, он ей нужен?

– Пока эти системы нуждаются в промптах, да. Просто становится грустно, что итог нашей наукоцентричной техногенной цивилизации — это оператор машин, обслуживающий персонал. Человек в этой системе просто настройщик, симфонию сочиняет и играет

автомат. Мы просто стараемся, чтобы этот орган или фортепиано не расстроилось, подтягиваем нужные струны, но пианиста мы уже не сажаем.

– То есть робот может сочинить симфонию?

– Если говорить о симфонии как о научном открытии, да. Но с другой стороны, академик В.А. Лекторский, выступая в президиуме РАН, в своем докладе отметил, что невозможно сделать фундаментальное открытие в физике просто за счет объединения данных, потому что действительно нужен человеческий творческий интеллект.

– Грозит ли нам будущее, в котором искусственный интеллект станет не просто заменой психологу или даже партнёру, а обладателем самого полного знания о том, кто мы есть на самом деле?

– Вполне возможно. Это неплохой карманный психоаналитик. Другое дело, как к этому относиться. Например, был в до-нейросетевую эпо-

ху чат «Stack Overflow». Когда вы становились молодым программистом, на вас сваливалось огромное количество нерешаемых проблем, а в книгах готового ответа на них нет, поэтому необходимо было сутки тратить, чтобы найти решение. Этот чат — сообщество из десятков тысяч разработчиков по всему миру, и в котором человек мог задать вопрос, а через 10 минут получить ответ на него. Сегодня этот сайт почти мертв по простой причине — все разработчики общаются с нейросетями. Нейросети отлично пишут код, они тебя и похвалят, и скажут «не переживай, у тебя код очень перспективный», «надо подправить здесь, здесь, здесь», да и обучают они неплохо. Люди перестают друг с другом общаться. Вот это есть элемент отчужденности.

Но у этого есть обратная сторона. Как только ваш проект становится очень сложным, многофакторным и с большим количеством подразделов, нейросеть перестает справляться, поскольку она не удержи-

живает контекст. Это же не просто страничка кода, а большой-большой проект. И когда она не может сказать «я не знаю», просто начинает где-то выдумывать и дописывать. Если вы ей доверитесь на этом этапе, то проект вы никогда не закроете. Начнутся дублирования, и тогда возникнет «грязный» код. Короче говоря, чем глубже в кроличью нору, тем все хуже.

И если вернуться к вопросу о нейросети как карманному психоаналитику, то на ранних этапах поговорить с ней о тревожащих вещах можно, но как только у вас стали проявляться признаки клинической депрессии, а вы продолжаете при этом доверять чат-боту, то это может для вас очень плохо кончиться.

– Резюмируя, чем глубже проблема, тем меньше мощь нейросети?

– Да, тем больше потребность в экспертах, в людях. И в целом не только в экспертах, в людях как в сообществах, где нужны настоящие эмоции.

– Скажите как препода-

ватель, как найти баланс между философской теорией и прикладными нуждами специалистов?

– Судя по обратной связи от студентов, они высоко оценивают формат лекций, но в вопросе о привязке материала к будущей специальности оценки уже не так сбалансированы. Студенты чувствуют, что философия — это не сиюминутная польза. Те, у кого широкий кругозор, интуитивно понимают, что дивиденды от философии придут, наверное, после тридцати. Сразу конвертировать её в навыки или деньги очень сложно. Это мировоззренческая вещь о гармоничном внутреннем мире и отношениях с реальностью. Философия как «Война и мир» для девятиклассника: бесполезный текст сейчас, который в будущем поможет осознать и безболезненно пройти глубокие кризисы в среднем возрасте, так и в университете даёт «якоря», благодаря которым человек вернётся к фундаментальным вопросам позже, а вот без неё он рискует всю

жизнь скользить по поверхности, довольствуясь готовыми решениями.

– Ваш богатый опыт работы тренером-альпинистом вызывает восхищение. Как Вы считаете, существует ли связь между покорением вершин в горах и достижением высот в научной педагогике? Возможно, занятия альпинизмом помогают вам глубже осознать философские идеи и взглянуть на мир иначе?

Горы сами по себе – отличная метафора духовной эволюции и внутреннего роста. Подъем в гору, особенно долгий и сложный, похож на начало диссертации: впереди масса препятствий, которые нужно преодолеть постепенно и методично. Это учит доверию к партнёрам, раскрытию себя и решению нестандартных задач – качества, полезные и в науке. Ещё горы позволяют исследовать своё сознание в экстремальных условиях гипоксии, открывают новое понимание самого себя. Таким образом, посещение серьёзных горных

маршрутов обогащает жизненный опыт, расширяет кругозор и позволяет иначе смотреть на студентов и коллег.

– Изучая Вашу библиографию, я обратила внимание на работу под названием «Трудные места шахматной метафоры в учениях о языке и сознании», и меня заинтересовал основной посыл Вашего исследования. Каким является ключевой тезис данной статьи?

– Шахматы как игра с конечным числом состояний часто использовались в лингвистике, а в когнитивных науках — как аналогия устройства языка и сознания. Я исследовал, как разные авторы используют шахматную метафору применительно к языку. Вопрос заключался в следующем: почему шахматные правила, хотя и строгие, приводят лишь к конечному числу позиций, тогда как языковые правила создают бесконечное разнообразие высказываний и текстов? Этот парадокс остается актуальным и в философии языка. Дополнительно я рассмотрел влия-

ние компьютерных шахмат на восприятие игры.

– И компьютеры начали побеждать людей в шахматы?

– Да, это случилось давно. Интересно другое — компьютеры способны видеть гораздо дальше человека. Например, если гарантированный мат ставится на 218-м ходу, ни один человек не сможет предсказать такую позицию заранее. Сейчас возникает вопрос: возможно ли, используя мощные нейросети, вычислить все возможные языковые конструкции и протоколировать каждое возможное человеческое высказывание? Тогда получится, что мы обладаем полной картиной всех возможных языковых явлений, подобно тому, как все шахматные партии уже известны и зафиксированы. Мы могли бы оказаться всего лишь набором сложных, но конечных данных.

– Получается, что человека когда-нибудь можно будет загрузить в нейросеть?

– Можно даже представить загрузку всей Вселенной. Но тогда возникает вопрос: уверены ли мы, что сейчас не находимся в подобной симуляции? Может быть, наша реальность создана предыдущей высокоразвитой цивилизацией? Философски опровергнуть это трудно, ведь наше взаимодействие с миром ограничено нашим личным восприятием. Тем не менее, мы вынуждены верить, что наши собеседники реально существуют, а не являются частью программы. Без доверия невозможно полноценно общаться.

– Что бы Вы посоветовали самому себе, поступающему в университет?

– Я бы рекомендовал ещё усерднее учиться, меньше расслабляться и больше заниматься программированием.

Сегодня приходится догонять упущенное, а скорость изменений велика. Нужно стремиться достичь баланса между романтическим отношением к миру и четким техническим подходом.

Абдулаева ДИНАРА

4

ЗАГОВОР МОЛЧАНИЯ: КАК ИСЧЕЗАЮТ
ЯЗЫКИ И ЧТО ПЫТАЮТСЯ СДЕЛАТЬ
УЧЁНЫЕ, ЧТОБЫ ЭТО ОСТАНОВИТЬ

В мире, где процессы глобализации и урбанизации неумолимо ведут к нивелированию культурных различий, а малые народы и их языки оказываются на грани полного исчезновения, как никогда остро встают вопросы межнационального взаимодействия и сохранения уникального этнического наследия. Язык

– это не просто средство коммуникации, это код культуры, мировоззрения и многовековой истории целого народа. Когда умирает язык, мы безвозвратно теряем часть человеческой мозаики.

С 23 по 26 сентября в стенах Пятигорского государственного университета прошел II Международный лингвистический конгресс «Языки мира — мир языков». В ходе конгресса были обсуждены ключевые вопросы современного языкознания и возможные шаги по сохранению и поддержке миноритарных и находящихся под угрозой исчезновения языков России. На дискуссионных площадках конгресса выступили видные отечественные и зарубежные ученые-лингвисты, представители научных школ из стран СНГ, Европы и Азии, а также эксперты-практики.

О том, как Россия и мир

пытаются противостоять этой тенденции, о тонкостях языковой политики в многомиллионных мегаполисах и в изолированных сообществах, а также о том, может ли искусственный интеллект помочь в спасении исчезающих языков, мы поговорили с членом-корреспондентом РАН, директором Института языкознания РАН, профессором МГУ Андреем Александровичем Кибриком.

– Андрей Александрович, если честно, до сегодняшнего дня не предполагал, что работа лингвиста настолько обширна и сложна. Изучение и документирование языков с общим количеством носителей примерно в 70 человек – это очень сложная работа. Как Вы связываетесь с этими людьми и как вы пришли к изучению лингвистики столь малых народов?

– Я учился на Отделении структурной и прикладной лингвистики Филологического факультета МГУ, где сейчас преподаю, и там традицион-

но одним из компонентов образования было знакомство студентов с, так скажем, экзотическими малоизвестными языками, а также существовала традиция полевых экспедиций. Мой отец, Александр Евгеньевич Кибрик, который был преподавателем этого отделения, вместе с коллегами основал эту традицию в конце 1960-х годов. С тех пор студенты отправлялись в эти полевые экспедиции по всему Советскому Союзу с целью научного изучения различных языков и студенческой практики. Мы ездили на Кавказ и в Сибирь. Мне довелось побывать на Кавказе, в частности в Дагестане, в других регионах России и СССР, и там я познакомился с целым рядом языков разных языковых семей, а позже стал заниматься языками индейцев Северной Америки и довольно много времени провел в США, особенно в штате Аляска. Там я занимался изучением одного из языков так называемой атабаскской языковой семьи.

Это очень интересный, но

исчезающий язык, осталось порядка 10 полноценных носителей старшего возраста, а более молодые люди, даже моего поколения, уже полуносители этого языка. Моя задача – документация языка, попытка зафиксировать уходящий язык, включая грамматику, коллекцию текстов и т.д. Это одна из важных областей лингвистики, которой занимаются множество ученых.

– Раз мы уже коснулись Аляски, хотелось бы узнать про аляскинский русский. Нинильчикский диалект – это результат изоляции?

– В каком-то смысле да. Но это, к большому сожалению, уже, можно сказать, почти вымерший язык. Те носители, которые остались, а их буквально единицы, их возраст превышает 80 лет. Это люди, родившиеся и выросшие до Второй мировой войны, в 1930-е годы. В то время этот язык еще передавался естественным образом, то есть от родителей к детям. Этот язык сформировался во времена

русской Америки в XIX веке. Основными носителями были креолы – люди смешанного происхождения. Зачастую такие семьи состояли из русских отцов и матерей из местных автохтонных народов. Дети в таких семьях были двуязычны – они знали язык отца и язык матери.

Такой язык быстро локализовался и адаптировался к жизни в этой среде и, конечно, подвергся влиянию местных языков. Это совершенно уникальный заморский вариант русского языка. Его даже сложно назвать диалектом, это скорее группа диалектов. Аляска довольно большая, и на ее территории большое количество точек, где были сообщества, говорившие на различных вариантах аляскинского русского. До наших дней дошли лишь маленькие осколки от этого удивительного явления, которые мы, к счастью, успели зафиксировать, в частности, в Нинильчике и на острове Кодьяк.

– Вы сказали, что занимались документацией

языков. Для Вас, как для полевого лингвиста, важна документация языка или его ревитализация?

– Это очень хороший вопрос! У каждого лингвиста свои приоритеты. Я занимался в основном документированием, но, когда я стал руководить Институтом языкознания, мне стало понятно, что нужно активно заниматься и ревитализацией. В конечном счете, такие институты, как наш, существуют на средства граждан, и раз общество такие институты создает, значит, мы как лингвисты должны что-то этому обществу возвращать, в том числе реко-

мендации по сохранению малых языков. Мы активно развиваем это направление за те 8 лет, что я руковожу Институтом языкознания. У нас появился целый коллектив, который разработал федеральную программу сохранения и развития языков России.

– А если говорить про полевую работу в целом, как она изменилась с 1997 года, когда Вы начали работать на Аляске? Например, как повлияли нейросети на работу лингвиста. Сейчас часто слышу про закат работы переводчика и лингвиста. Как Вы считаете, нейросеть заменит чело-

века в этой области?

– Точного и однозначного ответа дать не смогу, но могу упомянуть некоторые тенденции. Я занимался нейросетевыми методами в начале 2000-х годов, когда о них еще говорили только в узких научных кругах. Эти методы основаны на статистике. Не случайно их называют большими языковыми моделями. Они эффективно обучаются на очень больших объемах данных, поэтому такие большие языки, как английский или

русский, хорошо поддаются пониманию нейросети. А вот что касается малоресурсных языков, то есть языков, по которым мало данных, то с ними ситуация иная. Чтобы нейросетевая модель хоть как-то обучалась, насколько мне известно, необходим корпус, в котором будет примерно 100 000 словоупотреблений. Это будет модель среднего типа. Если говорить о минимальных числах, то я слышал цифру в 40 000 словоупотреблений. Для таких миноритарных языков, которыми мы занимаемся, это довольно большое число, поскольку эти ресурсы нужно вручную создавать. Для получения такого объема данных необходимо всю устную информацию транскрибировать, чтобы перенести ее в формат, понятный чат-боту. Чтобы это сделать, необходимо найти носителей языка и вместе с ними транскрибировать их речь. Если за один час нам удастся транскрибировать одну минуту речи – это колоссальный успех, а обычно времени уходит намного боль-

ше. Время – это очень ценный ресурс, а любых ресурсов, как известно, всегда не хватает. Я говорю про время, про технику и про деньги. На Аляске, к примеру, необходимо платить зарплату информанту, причем достаточно высокую, никто просто так с вами время тратить не будет. Поэтому создать корпус достаточного размера с таким ограниченным количеством носителей будет крайне проблематично. В случае недостаточного размера корпуса пострадает качество. Модель может попросту выдавать большое количество ошибок, что приводит к одному логичному вопросу: а зачем она вообще нужна? Вопрос открыт.

– Андрей Александрович, а если говорить о другой стороне коммуникации, о невербальной ее части. Она тоже считается частью лингвистики?

– Жизнь в целом единая и неделимая, но поскольку охватить ее единым взором очень сложно, то все в истории науки развивалось по принципу

компартиментализации, то есть по кускам. Изначально было разделение на естественные и гуманитарные науки, внутри уже гуманитарных наук лингвистика, к примеру, стоит отдельно от философии и т.д. Грубо говоря, лингвисты фокусируются только на словах, на цепочках фонем. Но в какой-то момент любой человек осознает, что речь неотделима от направления взора, от взмахов головы, от жестов рук, от поз нашего тела. Для нас, как для участников коммуникации, это равнофункциональные вещи. Научная программа мультимодальности или, как я предпочитаю называть, мультиканальности – это абсолютно естественная, но трудная сфера. Лингвисты в полной мере со словами разобраться не могут, а тут оказывается еще нужно изучать язык тела. Мы с коллегами тем не менее создавали ресурс, на котором мы подвергли анализу или аннотации не только речь, но и другие коммуникативные каналы, в том числе жесты, движения глаз и т.п.

– Получается, лингвисты изучают не только языки мира, но и тела?

– Да, именно!

– Тогда хочется узнать и про языки городов. В частности, я говорю о языках Москвы. Ваши исследования расширили данные о языковом устройстве столицы. До того, как ознакомиться с Вашей деятельностью, я даже не знал, что у Москвы есть свои языки. Можете объяснить для непосвященного читателя, что это?

– Есть такое традиционное представление и у лингвистов, и у широких слоев населения, что народы и соответствующие языки распространены на определенной территории. Часто можно увидеть этнические или языковые карты, где обозначены области распространения того или иного языка и народа. Этот взгляд отражает традиционное представление о распространении языков и этносов. Но с появлением такого явления, как ур-

банизация, когда появляются различные точки притяжения населения в лице городов, значительно снижается процент сельского населения. Если не ошибаюсь, по подсчетам статистиков, в 2017 году доля людей, проживающих в крупных городах, составила более 50% населения Земли. Как всегда, наука отстает в понимании таких процессов, и мы продолжаем рисовать эти карты, где языки распространены по территории, хотя на самом деле ситуация совсем иная. Все языки перемешаны внутри городов, внутри городских районов и т.д.

В рамках проекта «Языки Москвы» наша задача была понять, где и в каком районе столицы преобладают те или иные языки. Это оказалось очень сложной задачей. Открытой информации нет, поэтому нужно заниматься своей социологией, проводить опросы и т.п. Из-за всех этих сложностей проект сдвинулся в сторону микроуровня. Например, мы изучали практики многоязычия в конкретных

школах. Есть так называемый совхоз «Московский», который на самом деле превратился в целый город-спутник Москвы. Так вот, исследования показали, что в данном районе преобладают языки относительно недавних мигрантов из бывших союзных республик. Из-за чувствительности темы, думаю, понятно, что добывать информацию сложно.

Несмотря на всю сложность, в прошлом году вышла книга под редакцией Миры Борисовны Бергельсон, опубликованная в знаменитом лингвистическом немецком издании «De Gruyter Mouton», несмотря на все современные дипломатические трудности. В этой книге собраны все материалы и сведения, которые нам удалось найти и документировать.

– На Ваш взгляд, насколько эффективна современная языковая политика в России? Нужно ли что-то менять?

– Безусловно, нужно менять. Очень не хватает единого интеллектуального центра. Про-

блематика этой политики заключается в раздробленности ведомств. Федеральное агентство по делам национальностей, Министерство просвещения, Министерство науки и высшего образования и даже Министерство культуры – все они так или иначе занимаются или касаются языковой политики. Такая разветвленность не помогает в формировании подхода к изучению языков и формировании политики взаимодействия с ними. У семи нянек дитя без глазу. Сейчас происходит довольно тяжелый процесс принятия нового закона о языках России. Был закон 1991 года, который неоднократно редактировался, но в конце 2024 года было принято решение о создании нового закона. Функцию законотворчества распределили между Советом при президенте по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов России и Министерством науки и высшего образования. Это самый сложный процесс, так как необходимо учитывать по-

желания и центров общественного мнения, и регионов, и республик. Тема языковой политики крайне непростая, но радует, что в последние годы интерес к проработке языковой политики повысился.

– Андрей Александрович, а у вас на данный момент много студентов?

– Основная моя работа – это исследовательский институт, где я работаю директором. Там только аспиранты. А в МГУ кафедра, на которой я работаю, она обслуживает порядка 30 бюджетных мест в бакалавриате. Не знаю, много это или мало.

– Я почему спрашиваю, Ваши студенты наверняка узнают о том, чем вы занимаетесь и где Вы побывали. Им интересна Ваша работа, часто ли спрашивают об экспедициях на Аляске?

– Это вопрос личных предпочтений. Всегда в любой группе есть более или менее любопытные люди. Кому-то интересно, кому-то нет.

– А если бы Вы встретили себя в студенческие годы,

что бы Вы сказали молодому начинающему лингвисту?

– Вопрос из категории, что нужно сделать, чтобы стать су-перменом.

Будущее науки в междисциплинарности, а не в узких традиционных рамках. Лингвистам сейчас нужно больше изучать мозги.

– Резюмируя, пожелали бы себе изучать больше нейролингвистику.

– Да! До сих пор пытаюсь компенсировать пробел знаний в этой области.

Давитян ДАВИД

5

ЯЗЫК КАК ФЕНИКС

В мире говорят на более чем 7000 языках, но, по данным ЮНЕСКО, почти половине из них грозит исчезновение уже в этом веке. Что происходит, когда умирает язык? Исчезает не просто набор слов, а уникальная картина мира, культура и история целого народа. Но есть ли у таких языков шанс на второе рождение? Об этом мы поговорили с Татьяной Борисовной Агранат – ведущим научным сотрудником Института языкознания РАН, главным редактором журнала «Родной язык», чья карьера охватила как компьютерную лингвистику, так и полевые исследования угрожаемых языков.

Когда мы спрашиваем, как современные лингвисты столь детально изучают исчезающие языки, ответ всегда один – полевая работа. Как отметила Татьяна Борисовна, ссылаясь на опыт школы полевой лингвистики, «нужно поехать,

что называется, в язык, нужно работать с информантами». Это долгий и кропотливый процесс: записываются тексты, грамматика, фонетика, проводится полное лингвистическое обследование. «Это не в одну секунду делается,

да?» – уточняет она. Только так можно создать полноценную документацию языка, которая становится его вечным цифровым или бумажным «паспортом».

Для лингвиста, работающего с языками в угрожаемом состоянии, вопрос приоритета – документирование или возрождение языка – один из самых острых. «И то, и то очень важно, безусловно», – считает Татьяна Агранат. Однако ситуация с языками, которыми она занимается (водский, ижорский, вепсский, колтта-саамский), такова, что о полноценном сохранении речи уже не идет: дети и среднее поколение на них не говорят. «Поэтому речь идет о том, чтобы срочно документировать, пока еще есть от кого». Но даже в такой сложной ситуации попытки ревитализации (оживления) возможны. Татьяна Борисовна рассказала об успешном примере: «По крайней мере, стали в школе факультативно преподавать водский и ижорский по букварям, которые мне повезло написать совместно с носителями этих языков». Она

с теплотой вспоминает фотографии счастливых детей с новыми учебниками – это семена надежды.

Интересно, что для лингвиста все языки в равной степени сложны и просты. «Это не лингвистический вопрос... Это кажется человеку такой-то язык сложным, такой-то простым, в зависимости от родного языка», – поясняет эксперт. Для носителя языка без морфологии финно-угорские языки с их падежами покажутся невероятно сложными, а для того, чей язык не тоновый, – тональные языки Африки или Азии будут «ужасно сложными». Таким образом, об абсолютной сложности языка говорить невозможно.

В эпоху искусственного интеллекта многие задаются вопросом — не заменят ли нейросети лингвистов и переводчиков? Татьяна Агранат уверена, что «живого человека... не кажется мне, что что-то может глобально заменить». Технологии, безусловно, помогают как инструмент, но ключевая работа – живое общение с носителями, погру-

жение в среду – остается за человеком. Свой главный совет начинающим лингвистам она формулирует словами своего университетского профессора: «Лингвист должен ходить по дорогам и изучать языки». Со временем она поняла, что это метафора, но суть верна: нужно изучать живые языки, а не только по книжкам.

Самая оптимистическая часть разговора – о будущем. Могут ли языки, находящиеся на грани исчезновения, возродиться? Татьяна Борисовна приводит впечатляющие примеры: «Скажем, корнский и мэнский, два кельтских языка, которые, как птица Феникс, вообще из пепла восстали». Они уже считались мертвыми, но благодаря качественному документальному наследию были воссозданы, и появились «новые говорящие». «А тут, ну, пока языки-то не вымерли, в общем, не надо их списывать», – резюмирует она. Дети, с интересом изучающие язык по новому букварю, – это потенциальные «новые носители». «И может случиться так, что они, выучивши... этот язык,

потом начнут передавать своим детям».

Работа лингвиста-документалиста — это гонка со временем. Но, как показывает опыт Татьяны Борисовны Агранат, это еще и работа сеятеля. Документация – это сохраненное семя. Ревитализация – попытка прорастить его в новой почве. И хотя не каждое семя даст росток, сама возможность чуда – появления «новых говорящих» и возрождения языка – делает эту работу бесценной. Язык, как птица Феникс, может восстать из пепла, если для этого есть воля людей и профессионально собранные материалы. Главное – не похоронить его преждевременно, пока жив последний носитель и пока есть те, кому это интересно.

Статья подготовлена на основе эксклюзивного интервью с Татьяной Борисовной Агранат, ведущим научным сотрудником Института языкознания РАН, данным в рамках лингвистического конгресса в Пятигорске.

Давитян ДАВИД

6

МЕЖДУ ЭТНИЧНОСТЬЮ И ПОЛИТИКОЙ:
КАК УПРАВЛЯТЬ МНОГООБРАЗИЕМ В
СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**ОТ ГУМАНИТАРНОГО
ИНТЕРЕСА-КЭТНОПОЛИТИКЕ**

Интерес к разнообразию мира присущ каждому человеку, но не все из этого делают профессиональные занятия. Ещё будучи студенткой Северо-Осетинского государственного университета Майя Арташесовна Аст-

вацатурова начала заниматься наследием народов, этнокультурными и языковыми связями. Изначально это было более гуманитарное увлечение, так как по первому образованию она филолог, но потом Майя Арташесовна поняла, что сфера межэтнических отношений имеет большие проекции в политику. Она стала интересоваться, как организуются этнические интересы народов в языке, в культуре, в территориях и как они реализуются через политику. И этот интерес возник не на пустом месте, ведь отец Майи Арташесовны — Арташес Аванесович — в свое время активно занимался вопросами деятельности КПСС по укреплению дружбы и сотрудничества народов в коммунистическом строительстве.

**ЧТО ТАКОЕ ЭТНИЧЕСКАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ НА САМОМ
ДЕЛЕ**

Ряд учёных придерживаются мнения, что этническая идентичность — это очень стойкая идентичность, которая не даётся при рождении или, как говорят многие, «впитывается с молоком матери». На самом деле, этническая идентичность – это не результат генов, она формируется в семье, в окружении, и для всех имеет разное значение.

Этнополитологи говорят, что народ — это категория, которая переживает всё: смены систем, лидеров, эпидемий. Народы, которые сошли с исторической арены, не ушли бесследно, а дали основания для каких-то новых народов. К этнической идентичности нужно относиться с уважением, учитывать её и в то же время не стоит её политизировать, хотя это тоже неизбежно.

Сегодня проявление этничности и её реализации приобретают цифровые формы. Мы заходим в интернет и видим, что появляются новые формы межкультурной коммуникации, к сожалению,

негативные тоже. «Когда я читаю комментарии в социальных сетях, прихожу в ужас от того, какой уровень языковой вражды демонстрируют люди. Они начинают прессовать друг друга просто так по этническому признаку. Существует серьезная проблема, к которой нужно надо очень аккуратно относиться», – поделилась Майя Арташесовна.

АНТИКОНФЛИКТОГЕННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ

Как отмечает исследователь, в нашей стране межэтническими отношениями нужно управлять, как и любыми другими, должна быть нацеленная политика в этой сфере. Для этого и было введено понятие «антиконфликтогенный менеджмент». Это совместная работа органов власти, институтов гражданского общества, культурно-просветительных учреждений, вузов по предотвращению конфликтов. «Этнические конфликты невозможно искоренить, как показала практика. Но можно

их канализировать, управлять ими, переводить в менее сложные стадии, в скрытые формы — вот это и есть антиконфликтотогенный менеджмент», – сказала профессор.

ДИАСПОРЫ КАК ФОРМА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

В начале 2000-х годов Майя Арташесовна занялась проблемой диаспор и общин и вскоре (в 2003 г.) защитила по этой теме докторскую диссертацию. Основной интерес ее исследования был сосредоточен на том, как люди, не относящиеся к коренным группам той или иной страны, поддерживают друг друга и сохраняют свою этничность, будучи территориально удаленными от своего материнского этноса или от государства. «Исследуя эту тему, мы с коллегами пришли мы к выводу, что есть особая форма национально-культурного самоопределения. Мы столкнулись с очень интересными вещами по результатам опросов и наблюдений. Во-первых, выяснилось, что диаспорный стиль жизни есть. Люди общаются друг с другом,

ходят в гости, как я говорю всегда на лекциях «пекут свои этнические пирожки и едят их вместе, плача на этническом плече друг у друга, вспоминая родину». Исследователи отмечают, что благодаря диаспорной взаимной поддержке не только в культуре, но и в экономике, в политике люди начинают жить лучше и качественнее, чем окружающий народ.

Сфера изучения межэтнических отношений очень сложная и конфликтная, люди себя просто в ней не видят. Здесь нужны глубокие исторические, правовые, политические знания. Она довольно консервативная и даже архаичная. У молодёжи сейчас другие стремления.

Мы все россияне, и нас невозможно делить по национальному признаку, а те, кто пропагандируют идею «Россия для русских», добьются только распада страны. Травмированная этническая память — это страшный фактор, который передаётся из поколения в поколение, женщины ее пере-

дают своим детям, внушают. Важно, чтобы сейчас лидеры общественного мнения нацеливали общественность не на драматические события, а на позитивные моменты. «Информационное пространство сегодня не поддается практическим воздействиям, там везде взаимные обвинения, фейки, информационные экспансии. Тут уже нужно действительно людям следить за собой и формировать культуру», – отмечает Майя Арташесовна.

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

И как каждый исследователь, Майя Арташесовна мечтает, чтобы вслед за ее поколением пришло молодое поколение с новым мышлением, которое сможет себя комфортно чувствовать во всех ситуациях, со всеми аспектами быть на «ты» – с техникой, Интернетом и искусственным интеллектом.

А нашим дорогим читателям пожелала, чтобы каждого окружали люди, которые понимали бы, с кем они имеют дело, и которые будут

идти всегда с ними в одном социальном и жизненном темпе. «Чтобы окружающие вас хорошо понимали и ценили. Я всегда смеялась и говорила, что в моей семье таким существом была только кошка, которая четко понимала, кто я такая».

Черткова ЕКАТЕРИНА

7

АЛГОРИТМ ПЕРЕВОДА БРЕНДОВ: СТУДЕНЧЕСКИЙ СТАРТАП С НЕЙРОСЕТЬЮ НА ПУТИ К КИТАЙСКОМУ РЫНКУ

Когда команда лингвистов, состоящих из студентов Института переводоведения, русистики и многоязычия – Люсия Беглярова, Алина Каленкина и Мария Мусафер, приступала к исследованию особенностей перевода ино-

странных брендов на китайский язык, они и не предполагали, что академическая работа перерастёт в полноценный технологический стартап. Сегодня их проект – «Алгоритм автоматизированного перевода названий иностран-

ных брендов на китайский язык для обучения нейросети» – стал лауреатом федерального конкурса «Студенческий стартап» Фонда содействия инновациям и получил признание как в научном, так и в инновационном сообществе.

Изначально целью исследования было изучение лингвистических и культурных аспектов адаптации иностранных брендов на китайский рынок. Научный руководитель проекта – Максим Николаевич Лату – предложил расширить рамки работы, применив методы искусственного интеллекта. Это решение стало отправной точкой для создания масштабного проекта.

К команде присоединились эксперты-консультанты: Юлия Михайловна Ильева оказала поддержку в оформлении грантовой заявки и разработке бизнес-модели стартапа, а Оксана Владимировна Гончарова взяла на себя техническую реализацию – от настройки нейросети до оптимизации алгоритмов обучения. Благодаря совместным

усилиям проект был подан на платформу «Действие инновации» и успешно получил финансирование.

Выбор Китая оказался закономерным. Это страна с уникальной языковой системой, где каждое слово несёт культурную нагрузку и эмоциональные ассоциации. Корректный перевод названия бренда способен существенно повлиять на восприятие продукта, а неудачная адаптация – нанести ущерб репутации. Поэтому команда поставила цель создать инструмент, который учитывает не только фонетику, но и культурные коды, символику и восприятие китайской аудитории. На основе собранных данных была сформирована масштабная база и обучена нейромодель, предлагающая оптимальные варианты переводов с учётом контекста и культурных особенностей.

Разработанный алгоритм анализирует исходное название бренда на английском языке и генерирует адаптированные варианты на китайском. При этом система

учитывает фонетическое соответствие, семантические нюансы и ассоциативные связи. Таким образом результат перевода получается не только лингвистически корректным, но и маркетингово-релевантным. Сочетание гуманитарных и технологических подходов стало ключом к успешной реализации идеи.

Тестирование приложения пока проводится внутри команды, однако уже достигнуты впечатляющие результаты. Проект стал победителем молодёжного конкурса инновационных инициатив и занял призовые места на инвестиционных форумах. Эти достижения подтверждают научную и практическую значимость работы. «Мы тщательно готовились и прорабатывали каждое выступление вместе с научным руководителем – это сыграло ключевую роль в успехе», – отмечают участницы проекта.

Работа над проектом заняла около двух лет: первый этап включал исследование и сбор данных, второй – обучение модели и создание интерфейса. В настоящее время команда за-

нимается совершенствованием дизайна, расширением функциональности и добавлением поддержки новых языков. Проект уже запатентован, а грантового финансирования достаточно для завершения текущего этапа. В перспективе планируется привлечение инвестиций и выход на рынок.

История этого проекта демонстрирует, как университетская инициатива может трансформироваться в технологическое решение с реальным прикладным потенциалом. Алгоритм автоматизированного перевода брендов помогает компаниям успешно выходить на китайский рынок, минимизируя культурные и лингвистические риски. Это пример интеграции лингвистики, ИИ и предпринимательства, открывающий новые горизонты взаимодействия науки и бизнеса.

Бабаджанян МИЛАНА

АНОНС МЕРОПРИЯТИЙ «ПЯТИГОРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА» НА АПРЕЛЬ–МАЙ

Апрель–Май 2026 г

VII Всероссийская конференция «Социотехнические и гуманитарные аспекты информационной безопасности».

Ответственное лицо: Директор Института заочного обучения, информационных технологий и онлайн-проектов, профессор Воробьев Г.А. тел: 8 (8793) 400–700.

14–15 мая 2026 г.

Международный научно–методический симпозиум «Проблемы изучения, обобщения и распространения передового опыта обучения иностранным языкам в различных условиях: диалектика методической эмпирики и теоретического осмысления – Лемпертовские чтения – XXVIII»

Ответственное лицо: Заведующий кафедрой, профессор Барышников Н.В. тел: 8-879-340-01-17; e-mail: metodika@pgu.ru

Научно-популярный журнал

МЫСЛИ

Руководитель проекта: Ю. Р. Тагильцева

Главный редактор: Е. А. Черткова

Дизайн обложки: И. М. Батырдогова

Верстка: И. М. Батырдогова

Формат 148 x 210 (А5) Тираж 50

Издательство ПГУ
г. Пятигорск, пр. Калинина 9